

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-11-19

УДК 821.161.1

А.С. АртамоноваИркутский национальный исследовательский технический университет,
664074 г. Иркутск, Российская Федерация

Рассказ «После бала» в свете религиозно-философских размышлений Л.Н. Толстого

Аннотация. В рамках данной статьи мы не претендовали на сколько-нибудь полное рассмотрение философии писателя. Целью работы являлось нахождение непосредственных точек соприкосновения «После бала» с размышлениями, изложенными Толстым в трактате «В чем моя вера?», расширение контекста восприятия рассказа и, тем самым, возможно, определение нового места этого текста в системе произведений писателя. Кроме того, нам бы также хотелось сломать сложившийся шаблон прочтения рассказа «После бала» на школьных уроках литературы исключительно как иллюстрации социального зла в эпоху правления Николая I и познакомить учащихся с системой взглядов позднего Л.Н. Толстого. Как кажется, на примере небольшого текста сделать это реальнее, чем изучая более масштабные произведения писателя. Религиозно-этические размышления Л.Н. Толстого, как известно, нашли свое отражение наиболее полно в трактате «В чем моя вера?», а их художественным воплощением стал, в частности, рассказ «После бала». Используемые в ходе работы методы – биографический, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический – позволили нам внести коррективы в истолкование некоторых эпизодов рассказа, в частности, по-иному, нежели это было принято, интерпретировать образ полковника. Более подробное рассмотрение понятия «бал», соотнесение его с концептом «закон», как кажется, позволило уточнить философские взгляды писателя и проследить их творческое преломление. Итогом нашей работы стало утверждение, что рассказ «После бала» – все-таки рассказ о любви. Но не о любви главного героя к Вареньке (потому-то эта любовь так быстро «сходит на нет»), а о той истинной, божественной, которая изменила жизнь самого писателя и которая, по глубокому убеждению Л.Н. Толстого, должна стать «основой жизни, высшим законом, долженствующим быть не только главным, но единым руководством поступков людей».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, рассказ «После бала», «В чем моя вера?», школьный урок литературы, философские идеи Л.Н. Толстого, принцип противопоставления в сюжете рассказа

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Артамонова А.С. Рассказ «После бала» в свете религиозно-философских размышлений Л.Н. Толстого // Литература в школе. 2024. № 2. С. 11–19. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-11-19

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-11-19

A.S. Artamonova

Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, 664074, Russian Federation

“After the Ball” by Leo Tolstoy in the context of his religious and philosophical ideas

Abstract. Within the framework of this article, we did not claim to consider the writer's philosophy sufficiently; the purpose of the work was to find direct points of contact between “After the Ball” and the thoughts set out by Tolstoy in his treatise “What I Believe”, to expand the context of perception of the story and, thereby, perhaps, to define a new place for this text in the system of the writer's works. In addition, we would also like to break the established pattern of reading the story “After the Ball” in school literature lessons solely as an illustration of social evil during the reign of Nicholas I and to introduce students to the system of views of the late Tolstoy. It seems that it is more realistic to do this using a small text as an example than by studying the writer's larger works. Religious and ethical reflections of Tolstoy's are known to be reflected most fully in the treatise “What I Believe”, and their artistic embodiment is, in particular, the story “After the Ball”. The methods used in the course of the work – biographical, comparative, cultural-historical – allowed us to make adjustments to the interpretation of some episodes of the story, in particular, to interpret the image of the colonel in a different way than it is customary. A more detailed examination of the concept of “ball”, correlating it with the concept of “law”, it seems, made it possible to clarify the writer's philosophical views and trace their creative refraction. The result of our work is the statement that the story “After the Ball” is still a story about love. But not about the love of the protagonist for Varenka (that's why this love “disappears” so quickly), but about that true, divine love that changed the life of the writer himself and which, according to the deep conviction of Tolstoy, should become “the basis of life, the highest law, which should be not only the main, but the uniform guide of people's actions”.

Key words: L.N. Tolstoy, the story “After the Ball”, “What I Believe”, a school lesson of literature, L.N. Tolstoy's philosophical ideas, the principle of opposition in the plot of the story

CITATION: Artamonova A.S. "After the Ball" by Leo Tolstoy in the context of his religious and philosophical ideas. *Literature at School*. 2024. No. 2. Pp. 11–19. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-11-19

Написанный в 1903 г. и напечатанный только после смерти Л.Н. Толстого рассказ «После бала» не оставил сколько-нибудь значительных откликов после своей публикации в 1911 г. В Советской России (благодаря в том числе включению в школьную программу) этот небольшой рассказ становится одним из самых известных произведений писателя наряду с его более масштабными текстами. Сегодня классика школьной литературы продолжает вызывать интерес и у учителей-словесников, и у литературоведов¹.

Как отмечалось, в русской критике начала XX в. рассказ остался практически незамеченным. В советском литературоведении «После бала» был ожидаемо прочитан как протест против царизма, смертной казни и телесных наказаний [1–3; 6; 7]. В нем увидели также отражение разочарования писателя в официальной религии. Были предприняты попытки расширить поле прочтения рассказа, соотносить текст со взглядами позднего Толстого и проследить преломление религиозной проблематики в художественной структуре произведения².

¹ Достаточно посмотреть количество материалов и разработок уроков, посвященных анализу этого рассказа, в Интернете. Знаменательно, что «После бала» стал предметом разговора участников летней школы для учителей литературы в Ясной Поляне в 2020 г. (<https://slovesnik.org/kopilka/stati/l-n-tolstoj-posle-bala.html>).

² В этой связи упомянем работу А.К. Жолковского «Морфология и исторические корни рассказа Толстого «После бала»». Любопытно, что исследователь также, опираясь на методологию В.Я. Проппа, рассматривает текст как вариант сказочного сюжета о волшебной невесте [4].

Сегодня толстовский рассказ приобретает новые звучания. Так, «После бала» открывает антологию «Русский рассказ XX века», в которой все внимание сфокусировано на восприятии тела в русской литературе [8].

Мы не претендуем в рамках данной статьи на сколько-нибудь полное рассмотрение философии писателя, цель работы – найти непосредственные точки соприкосновения «После бала» с размышлениями, изложенными Толстым в трактате «В чем моя вера?», расширить контекст восприятия рассказа и, тем самым, возможно, определить новое место этого текста в системе произведений писателя³. Религиозно-этические размышления Л.Н. Толстого нашли свое отражение в трактате «В чем моя вера?», а их художественным воплощением стал, как нам кажется, рассказ «После бала»⁴. К нему мы и обратимся.

³ Конечно, нам бы также хотелось сломать сложившийся шаблон прочтения этого рассказа на уроках литературы в школе исключительно как иллюстрации социального зла в эпоху правления Николая I и познакомить учащихся с системой взглядов позднего Л.Н. Толстого. Как кажется, на примере небольшого текста сделать это реальнее, чем изучая более масштабные произведения писателя.

⁴ Религии и этике непротивления в той или иной форме посвящено все творчество Л.Н. Толстого после 1978 г.: «Что такое религия и в чем сущность ее» (1884), «Царство Божие внутри вас» (1890–1893), «Закон насилия и закон любви» (1908) и др. Мы же берем за основу трактат «В чем моя вера?» (1884), поскольку именно в нем Толстой впервые и наиболее полно изложил принципы своего религиозно-этического учения.

Широко известно, что ключевыми понятиями философии Л.Н. Толстого стали идеи любви и непротивления злу насилием. Обоснование этих идей занимает центральное место в религиозно-философском трактате «В чем моя вера?», где Толстой по-новому интерпретирует Евангелие, в частности Нагорную проповедь, и строит свою систему взаимоотношений человека и Бога, человека и мира, человека и человека. «Все меня окружающее: спокойствие, безопасность моя и семьи, моя собственность, все построено было на законе, отвергнутом Христом, на законе: “зуб за зуб”», – пишет Толстой, разделяя свою жизнь на до и после осознания истинного, по словам писателя, смысла слов Христа [10, с. 314]. Закону отмщения, или закону Моисея, Толстой, следуя за Христом, противопоставляет закон милосердия. Первый писатель называет законом человека, законом «писанным»; второй – законом Бога, законом «вечным».

Общеизвестно, что рассказ, написанный в 1903 г., а вышедший в свет только после смерти Толстого, в 1911 г., основан на реальных событиях, произошедших с братом писателя Сергеем. Время, в котором разворачивается и реальная история, и художественно осмысленная, – 1840-е гг. Согласно комментаторам, Толстой в момент разыгрывания этих событий учится в Казанском университете. То есть ему не больше 20 лет: годы его студенчества – 1844–1847. Что же заставило Толстого почти через 60 лет вспомнить об этой не самой примечательной истории? Как нам кажется, дело здесь не в том, что произошедшее – даже не с самим писателем – оставило в душе молодого Льва Николаевича неизгладимый

след, на что обыкновенно указывают комментаторы. Толстой, на наш взгляд, обращается к давно минувшему для того, чтобы на примере этого происшествия показать повороты собственной судьбы. Примечательно, что главный герой начинает свой рассказ словами: «А я думаю, что все дело в случае. Я вот про себя скажу», – а заканчивает: «Так вот какие бывают дела и от чего *переменяется и направляется* вся жизнь человека» (курсив наш. – А.А.) [11, с. 319].

Л.Н. Толстой, взяв за основу случай, произошедший со своим братом, пишет биографию собственной души: писатель показывает нам свершение важнейшего для него поворота – от неверия к вере, от привязанности к любви. Так Толстой описывает это в трактате «В чем моя вера?»: «Пять лет тому назад я поверил в учение Христа – и жизнь моя вдруг переменялась: мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, что прежде не хотелось. То, что прежде казалось мне хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо. <...> Направление моей жизни – желания мои стали другие: и доброе и злое переменялось местами. Все это произошло оттого, что я понял учение Христа не так, как я понимал его прежде» [10, с. 304].

С попытки разграничить и определить, что же такое «хорошо» и что «дурно», начинается и рассказ «После бала»: «Вот вы говорите, что человек не может сам по себе понять, что хорошо, что дурно, что все дело в среде, что среда заедает. <...> Так заговорил всеми уважаемый Иван Васильевич после разговора, шедшего между нами, о том, что для личного совершенствования необходимо

прежде изменить условия, среди которых живут люди» [11, с. 310]. Не так ли и автор использует случай, произошедший много лет назад, чтобы на его фоне показать вариант разыгрывания собственной судьбы, историю собственных духовных исканий и переживаний⁵. Но перейдем к самому тексту.

Центральное событие рассказа – увиденное утром наказание беглого татарина – делит жизнь героя на до и после. Что представляет собой герой до свершившейся с ним перемены. Он студент, «веселый и бойкий малый», большую часть времени проводит в веселье и кутежах, и главное удовольствие в его жизни составляют вечера и балы. На балу мы и встречаем главных действующих лиц, один из них – отец девушки, в которую герой влюблен. По сложившейся в литературоведении традиции фигуру отца принято рассматривать как жестокого, двуличного человека, олицетворяющего николаевскую Россию. События рассказа действительно относятся к времени правления Николая I; уже в самом облике полковника подчеркивается его приверженность этому императору – белые подвитые усы *a la Nicolas*. В тексте напрямую говорится, что перед нами «воинский начальник типа старого

служаки николаевской выправки» [Там же, с. 314].

Толстой не случайно показывает нам военного, и именно николаевской эпохи – времени, когда устав, или закон, определяли зачастую не только поведение человека, но и его мировоззрение. Но в то же время на балу полковник предстает как весьма приятный человек: и гости, и герой им очарованы. Даже после увиденного утром мы не слышим из уст героя осуждения этого человека, но только непонимание: «Очевидно, он что-то знает такое, чего я не знаю, – думал я про полковника. – Если бы я знал то, что он знает, я бы понимал и то, что я видел, и это не мучило бы меня». Но сколько я ни думал, я не мог понять того, что знает полковник...» [Там же, с. 318–319].

Двойственность поведения отца Вареньки подчеркивается и самой структурой рассказа, где главный композиционный прием – прием контраста. Это и противопоставление сцены бала и сцены экзекуции, красивой внешности полковника и его отталкивающего внутреннего облика, характера музыки в начале и в финале рассказа, и даже цветового решения – бело-розовых оттенков, сопутствующих героям на балу, и черных, окрашивающих концовку. И хотя принцип противопоставления используется Толстым как на уровне фабулы, так и на уровне сюжета, внимание читателя фокусируется, главным образом, на первом. Что и приводит, как нам кажется, к упрощенной трактовке и самого рассказа, и фигуры полковника. Так ли проста и однозначна интерпретация одного из последних произведений великого писателя? Попробуем разобраться.

⁵ Заметим, что уже в первом предложении, рассуждая о том, что «все дело в среде, что среда заедает», Толстой, если и не снимает социальную проблематику, то по крайней мере отодвигает ее на второй план. Вводя же в текст категорию случая, писатель подчеркивает метафизический аспект повествования. Но в противовес авторскому замыслу в центре внимания интерпретаторов все же оказался социально обусловленный конфликт. Борьба с социальным злом (а не непотизм и злу и, следовательно, любовь) становится главным и зачастую единственным содержанием «После бала», согласно исследователям творчества Толстого.

Поскольку большая часть текста посвящена балу, и в заглавие рассказа вынесено слово «бал», для начала нам необходимо рассмотреть само это понятие. Как указывает Ю.М. Лотман, «бал оказывался, с одной стороны, сферой, противоположной службе – областью непринужденного общения, светского отдыха, местом, где границы служебной иерархии ослаблялись. <...> С другой стороны, бал был областью общественного представительства, формой социальной организации, одной из немногих форм дозволенного в России той поры коллективного быта» [5, с. 91]. А любая форма социальной организации предполагает некие установленные законы и правила поведения. И именно это повлекло «ритуализацию бала, создание строгой последовательности частей, выделение устойчивых и обязательных элементов. Возникла грамматика бала, а сам он складывался в некоторое целостное театрализованное представление, в котором каждому элементу (от входа в залу до разъезда) соответствовали типовые эмоции, фиксированные значения, стили поведения» [Там же, с. 91].

Не случайно Толстой, описывая сцену, в которой полковник танцует с дочерью, упоминает и про «закон»: «...закинув на левую сторону руку, вынул шпагу из портупеи, отдал ее услужливому молодому человеку и, натянув замшевую перчатку на правую руку, – “*надо все по закону*”, – улыбаясь, сказал он, взял руку дочери и стал в четверть оборота, выжидая такт» (курсив наш. – А.А.) [Там же, с. 314]. Не забудем, что «бал подчинялся твердым законам» [Там же, с. 100]. Об этом нам напоминает и главный герой: «*По закону*, так сказать, мазурку я танцевал не с нею» (курсив наш. – А.А.) [11, с. 312].

Толстой не противопоставляет поведение полковника на балу и на плацу. Перед нами две разные системы координат, и полковник ведет себя соответственно каждой из них: бал требует от человека соблюдения определенных законов, и отец Вареньки строго им следует; служба предполагает другую манеру поведения, он и там не выходит за рамки общепринятого и установленного законом, или уставом в случае с военной службой. Вот почему рассказчик не осуждает увиденное: он так же, как и остальные герои произведения, живет в этой системе. «Что же вы думаете, что я тогда решил, что то, что я видел, было – дурное дело? Ничуть. “Если это делалось с такой уверенностью и признавалось всеми необходимым, то, стало быть, они знали что-то такое, чего я не знал”, – думал я и старался узнать это. Но сколько ни старался – и потом не мог узнать этого» [Там же, с. 319].

Другое дело, что его создателю, Л.Н. Толстому, открылся иной закон, иная истина. Как, впрочем, впоследствии и самому герою. Рассказанная история происходит в последний день масленицы, Прощеное воскресенье по церковному календарю, и следующий за ним чистый понедельник, начало Великого Поста – время покаяния и милосердия. В день, предшествующий началу Великого Поста, на литургии читается Евангелие от Матфея с частью из Нагорной Проповеди, а именно то место, где говорится о прощении грехов: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших»

[Евангелие от Матфея 2004: 1046]⁶. На вечернем же богослужении совершается чин прощения. Именно к прощению, милосердию и призывает беглый татарин: «Братцы, помилосердуйте. Братцы, помилосердуйте. Но братцы не милосердовали»⁷ [11, с. 317]. И не потому, что отличались особой жестокостью. Они подчинялись воинскому уставу, следовали букве закона⁸.

⁶ Не забудем, что для самого Толстого именно Нагорная проповедь имела особое значение: «Из всех Евангелий, как что-то особенное, всегда выделялась для меня Нагорная проповедь». И именно те слова Христа, где «проповедуется любовь, смирение, унижение, самоотвержение и возмездие добром за зло» [10, с. 306].

⁷ Заметим также, что в свете размышлений Толстого о единстве людей, независимо от их национальности и вероисповедания, кажется не случайным, что наказуемый – татарин, иноверец: «Не считай людей других народов своими врагами, а считай всех людей братьями и ко всем относись так же, как ты относишься к людям своего народа, и потому не только не убивай тех, которых называешь своими врагами, но люби их и делай им добро» [Там же, с. 368].

⁸ Толстой не переставал утверждать, что всякое насилие – не природное свойство человека, но воспитанное в нем: «Все устройство нашей жизни, весь сложный механизм наших учреждений, имеющих целью насилие, свидетельствует о том, до какой степени насилие противно природе человека. Ни один судья не решится задушить веревкой того, кого он приговорил к смерти по своему правосудию. Ни один начальник не решится взять мужика из плачущей семьи и запереть его в острог. Ни один генерал или солдат без дисциплины, присяги и войны не убьет не только сотни турок или немцев и не разорит их деревень, но не решится ранить ни одного человека. Все это делается только благодаря той сложнейшей машине государственной и общественной, задача которой состоит в том, чтобы разбивать ответственность совершаемых злодеяний так, чтобы никто не почувствовал противоестественности этих поступков. Одни пишут законы, другие прилагают их, третьи муштруют людей, воспитывая в них привычки дисциплины, то есть бессмысленного и безответного повиновения, четвертые – эти самые вымуштрованные люди – делают всякого рода насилия, даже убивают людей, не зная зачем и для чего. Но стоит человеку хоть на минуту мысленно освободиться от этой сети устройства мирского, в которой он запутался, чтобы понять, что ему несвойственно» [Там же, с. 332].

А теперь вспомним слова Толстого о существовании двух противоположных друг другу законов – закона Божьего, любви и сострадания, и закона человеческого, основанного на принципе «зуб за зуб». И здесь становится ясно, почему в оценке героем отца Вареньки нет осуждения и почему мы не вправе говорить о лицемерии полковника: перед нами человек, соблюдающий закон (и на балу – «надо все по закону»; и во время экзекуции)⁹. Только закон этот человеческий – «око за око». А вот герою, как и его создателю, открылся иной закон – закон милосердия. Он-то и заставил переменить жизнь и персонажа, и самого Толстого¹⁰.

⁹ Хотя, бесспорно, подобная двойственность поведения человека, живущего в системе христианских, евангельских координат, а для общества XIX в. – это если и не единственная, то по крайней мере официально и традиционно принятая установка, воспринимается Толстым не иначе как лицемерие: «Христос отвергает закон Моисея, дает свой. Для человека, верующего Христу, нет никакого противоречия. Он и не обращает никакого внимания на закон Моисея, а верует в закон Христа и исполняет его. Для человека, верующего закону Моисея, тоже нет никакого противоречия. Евреи признают слова Христа пустыми и верят закону Моисея. Противоречие является только для тех, которые хотят жить по закону Моисея, а уверяют себя и других, что они верят закону Христа, – для тех, которых Христос называл лицемерами, порождениями ехидны» [Там же, с. 345].

¹⁰ Сравните с размышлениями Толстого: «На днях я шел в Боровицкие ворота; в воротах сидел старик, нищий-калека, обязаный по ушам ветшкой. Я вынул кошелек, чтобы дать ему что-нибудь. В это время с горы из Кремля выбежал бравый молодой румяный малый, гренадер в казенном тулупе. Нищий, увидав солдата, испуганно вскочил и вприхромку побегал вниз к Александровскому саду. Гренадер погнался было за ним, но, не догнав, остановился и стал ругать нищего за то, что он не слышал запрещения и сядился в воротах. Я подождал гренадера в воротах. Когда он поравнялся со мной, я спросил его: знает ли он грамоте? – Знаю, а что? – Евангелие читал? – Читал. – А читал: “и кто накормит голодного?...” – Я сказал ему это место. Он знал

Знаменательно, что в русском менталитете «закону» противопоставлено дополнительно нечто хорошее, доброе: «За сферой закона, по русским представлениям, лежит еще – более обширная – сфера добра, совести и справедливости, хотя и не “регламентированная”»¹¹ [9, с. 598]. И «закону формальному, юридическому, противостоит правда – внутренняя справедливость, ощущаемая и знаемая в душе,

его и выслушал. И я видел, что он смущен. Два прохожие остановились, слушая. Гренадеру, видно, больно было чувствовать, что он, отлично исполняя свою обязанность, – гоняя народ оттуда, откуда велено гонять, – вдруг оказался неправ. Он был смущен и, видимо, искал отговорок. Вдруг в умных, черных глазах его блеснул свет, он повернулся ко мне боком, как бы уходя. – А воинский устав читал? – спросил он. Я сказал, что не читал. – Так и не говори, – сказал гренадер, тряхнув победоносно головой, и, запахнув тулуп, молодецки подошел к своему месту. Это был единственный человек во всей моей жизни, строго логически разрешивший тот вечный вопрос, который при нашем общественном строе стоял передо мной и стоит перед каждым человеком, называющим себя христианином. Вопрос гренадера: Евангелие или воинский устав? Закон Божий или закон человеческий? – теперь стоит и при Самуиле стоял перед человечеством. Он стоял и перед самим Христом и перед учениками его. Стоит и перед теми, которые теперь хотят быть христианами, стоял и передо мной» [10, с. 316–317].

¹¹ Заметим, что подобное противопоставление свойственно именно русской культуре. В западной же понятию «закон, законность» противостоит исключительно «беззаконие».

совесть» [Там же]. Когда преступник несет даже заслуженное наказание, чувство торжества справедливости в русском сознании уступает место ощущению несчастья наказанного. И не случайно Толстой наряду с описанием чувств главного героя показывает и реакцию на наказание простого народа, в которой соединяются и сострадание, и взывание к Божьей милости: «О господи, – проговорил возле меня кузнец» [11, с. 318]. Жалость движет и рукой «малорослого, слабосильного солдата», который «недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина» [Там же].

«Так вот какие бывают дела и от чего переменяется и направляется вся жизнь человека. А вы говорите...», – такими словами заканчивает Толстой свой рассказ [Там же, с. 319]. Рассказ о любви. Но не о любви главного героя к Вареньке (потому-то эта любовь так быстро «сходит на нет»), а о той истинной, Божественной, которая, изменила жизнь самого писателя и которая, по глубокому убеждению Л.Н. Толстого, должна стать «основой жизни, высшим законом, долженствующим быть не только главным, но единым руководством поступков людей» [12, с. 166].

Библиографический список

1. Абрикосов Х.Н. Двенадцать лет около Толстого. М., 1948.
2. Гудзий Н.К. Лев Толстой: критико-биографический очерк. М., 1960.
3. Жданов В.А., Зайденинур Э.Е. Художественные произведения [в юбилейном собрании сочинений Л.Н. Толстого] // Лев Толстой: в 2 кн. М., 1961.
4. Жолковский А.К. Блуждающие сны: статьи разных лет. СПб., 2016.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2008.
6. Лукач Г. Толстой и развитие реализма. М., 1939.
7. Попов П., Юнович М. Толстой Л.Н. // Литературная энциклопедия. Т. 11. М., 1939. С. 301–345.
8. Русский рассказ XX века. М., 2005.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.

10. Толстой Л.Н. В чем моя вера? // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 23. М., 1957. С. 304–465.
11. Толстой Л.Н. После бала // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. М., 1984. С. 310–320.
12. Толстой Л.Н. Закон насилия и закон любви // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 37. М., 1956. С. 149–221.

References

1. Abrikosov Kh.N. Dvenadtsat let okolo Tolstogo [Twelve years around Tolstoy]. Moscow, 1948.
2. Gudziy N.K. Lev Tolstoi [Leo Tolstoy]. Critical and biographical essay. Moscow, 1960.
3. Zhdanov V.A., Zaidenshnur E.E. Works of art [in the anniversary collected works of L.N. Tolstoy]. *Lev Tolstoy*. In 2 books. Moscow, 1961. (In Rus.)
4. Zholkovskii A.K. Bluzhdaiushchie sny [Wandering dreams]. Articles from different years. St. Petersburg, 2016.
5. Lotman Yu.M. Besedy o russkoi kulture: Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture: Life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)]. St. Petersburg, 2008.
6. Lukach G. Tolstoi i razvitie realizma [Tolstoy and the development of realism]. Moscow, 1939.
7. Popov P., Yunovich M. Tolstoy L.N. *Literaturnaya entsiklopediya*. Vol. 11. Moscow, 1939. Pp. 301–345. (In Rus.)
8. Russkii rasskaz XX veka [Russian short story of the twentieth century]. Moscow, 2005.
9. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar russkoi kultury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, 1997.
10. Tolstoy L.N. What is my faith? *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* Vol. 23. Moscow, 1957. Pp. 304–465. (In Rus.)
11. Tolstoy L.N. After the Ball. *Sobranie sochineniy: v 12 t.* Vol. 11. Moscow, 1984. Pp. 310–319. (In Rus.)
12. Tolstoy L.N. The law of violence and the law of love. *Polnoye sobraniye sochinenij: v 90 t.* Vol. 37. Moscow, 1956. Pp. 149–221. (In Rus.)

Статья поступила в редакцию 30.12.2023, принята к публикации 31.01.2024
The article was received on 30.12.2023, accepted for publication 31.01.2024

Сведения об авторе / About the author

Артамонова Анастасия Святославовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры рекламы и журналистики Института экономики, управления и права, Иркутский национальный исследовательский технический университет

Anastasia S. Artamonova – PhD in Philology (Literature); Associate Professor; Assistant Professor at the Department of Advertising and Journalism, School of Economics, Management and Law; Irkutsk National Research Technical University

E-mail: artamonova_as@inbox.ru